

плений необходимо принятие целого ряда мер, которые будут направлены как непосредственно на предупреждение, так и на пресечение действий хакеров и кибермошенников. К одной из таких мер следует отнести ужесточение и совершенствование современного уголовного законодательства¹. Другой мерой выступает закрепление в уголовном законодательстве научно обоснованных и понятных для правоприменителя категорий и признаков, их разъяснение на уровне Пленума Верховного Суда РФ (что, в частности, до сих пор не сделано применительно к п. «г» («с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств») ч. 3 ст. 158 УК РФ). Не случайно в специальной литературе указывается, что «имеющиеся недостатки в толковании действующего уголовного законодательства и в практике его применения побуждают общество к постоянному совершенствованию этих сфер уголовно-правовой политики»².

В УК РФ в настоящее время присутствует только одна глава, посвященная киберпреступности, которая предусматривает ответственность за совершение киберпреступлений – это глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», в которой содержатся всего 4 статьи. В развитие данной главы 29 ноября 2012 г. был принят Федеральный

закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который криминализировал преступления, предусмотренные ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт» и ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Следовательно, объекты виртуального имущества полностью соответствуют категории цифровых прав. Именно поэтому законодатель рассматривает их не как виртуальные объекты собственности или обязательственные права, а в качестве «права на использование» или «права на право собственности», то есть на осуществление правомочий собственника в рамках виртуальной реальности. В данном случае следует говорить об определенном ограниченном цифровом праве, действующем по правилам информационной системы³.

В современный век цифровых технологий практически вся информация хранится на электронных носителях, поэтому задача современного правоприменителя состоит в правильной квалификации соответствующих деяний, связанных с киберпреступлениями, задача законодателя – внести необходимые изменения и дополнения в правовые акты.

Шинкевич М.В.

DOI 10.51980/2021_2_195

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые объективные признаки присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения

При анализе состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, в части совершения присвоения или растраты лицом с использованием своего служебного положения изначально важное значение имеет не только сам субъект, но и объект преступления.

Проблема объекта преступления – одна из самых сложных и спорных проблем теории уголовного права. Содержанием и характером объекта посягательства, или объекта уголовно-правовой охраны, в первую очередь определяется общественная опасность деяния, его

¹ Лагутин П. Д., Миханова Т.А. Указ. соч. С. 108.

² Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин и др. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 67.

³ Борисов Б.А. Указ. соч. С. 90.

социальная сущность, антиобщественная направленность¹.

Как отмечал Б.С. Никифоров, «неправильная квалификация совершенного в ряде случаев преступного деяния имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления»². Именно правильное установление объекта состава преступления позволяет провести юридически точную квалификацию, установить объем и содержание уголовной ответственности, что в конечном итоге определяет и соблюдение основных начал уголовного законодательства, реализуемых в рамках уголовной политики Российской Федерации, и, соответственно, обеспечение безопасности личности, общества и государства.

В рамках непосредственного объекта анализируемого нами состава преступления обоснованно вести речь о конкретных формах собственности, но только лишь с целью последующего точного определения потерпевшего при совершении присвоения или растраты, решения вопросов эффективной защиты его прав, в том числе путем возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Так, в ст. 212 ГК РФ указаны субъекты права собственности. К слову, выделение форм собственности в свое время было связано с формированием и развитием гражданского права в советский период, когда необходимо было установить соответствующие правовые категории для выделения главенствующей роли государства и приоритете охраны ее благ и интересов. Всегда следует помнить, что для любого субъекта и любой формы собственности само право собственности имеет одинаковое содержание. Именно поэтому, рассматривая непосредственный объект присвоения или растраты, обоснованно говорить о совпадении его содержания с тем, которое имманентно присуще видовому объекту всех преступлений против собственности.

Всесторонний анализ видового и непосредственного объектов как всех преступлений против собственности, так

и, в частности, присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, с учетом постулата о том, что общественные отношения должны пониматься как система взаимоотношений между людьми, сложившаяся в определенной сфере, позволяет констатировать, что не только право собственности, как субъективное право, благо нарушается в результате преступного посягательства.

Закономерно возникает вопрос о квалификации в случае посягательства на чужое имущество, которое находится у потерпевшего не на праве собственности, а на ином праве законного владения. Так, виновный может присвоить или растратить имущество, как принадлежащее виновному на праве собственности, так и принадлежащее ему в силу иных ограниченных субъективных вещных прав. Можно говорить и о хищении имущества, которое не принадлежит виновному ни на праве собственности, ни на ином праве законного владения имуществом. В отношении последнего стоит отметить, что на сегодняшний день так и нет единого мнения по этому вопросу.

Если, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, лицо, у которого находится имущество независимо от законности такого владения считать «или иным владельцем имущества», то условно можно говорить и о составе хищения у такого лица этого имущества.

Потерпевшим по УПК РФ (ст. 42) признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Соответственно, при совершении присвоения или растраты важно установить в первую очередь, что лицу причинен имущественный вред.

Однако отметим, что в реальности имеет место существование как мира юридического, так и фактического. В рамках последнего обладание предме-

¹ Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 9.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 5-6.

тами может быть не связано с наличием какого-либо субъективного права у лица.

Объективированное вонне фактическое отношение по своей сути первично и не может зависеть или обуславливаться законодательной конструкцией, поскольку закон – это урегулированное нормами права общественное отношение¹.

Общепризнанным в настоящее время является понимание владения как фактического обладания вещью лицом, у которого есть намерение владеть ею. В этом случае владение, как указывается в научной литературе, образуется из двух едино взаимосвязанных элементов: *corpus* и *animus* владения. Первый элемент представляет собой физическую связь лица и вещи, которая как раз и проявляется в обладании вещью, а второй элемент, по сути, выражает намерение лица владеть вещью. В.В. Ефимов, сравнивая *corpus* с телом, оболочкой владения и называя *animus* душой владения, указывает, что *corpus* представляет собой все то, в чем выражается *animus*, а последний, в свою очередь, исключает всякое отношение к вещи других лиц².

По мнению Д.И. Мейера, юридическое владение – это сложение двух элементов: материального (или внешнего) и духовного (или внутреннего)³.

При этом стоит согласиться с мнением Д.А. Мальбина о том, что «гражданско-правовая наука до настоящего времени не смогла ответить на вопрос о том, является владение правом или фактом. Действительная сущность владения и его природа остаются, пожалуй, наиболее актуальными вопросами в теории владения до настоящего времени»⁴.

Контент-анализ современных трудов в области цивилистики по исследуемому вопросу свидетельствует, что большинство авторов все же склонны признавать фактическую природу владения⁵.

Соответственно в рамках института владения следует четко дифференцировать понятия владения в качестве правомочия, как составляющего элемента вещного права, и владения-факта. Именно при таком подходе можно отчасти разрешить некоторые спорные моменты как в рамках объекта преступлений против собственности, и в частности присвоения или растраты, так и вопросы целесообразности защиты прав владельца.

Актуально в контексте исследуемого то, что в цивилистике всякие виды владения подразделяются на титульное (законное) и беститульное (незаконное) владение. Именно деление владения на законное и незаконное имеет важное практическое значение в том плане, что в зависимости от констатации наличия или отсутствия титула владения можно и рассматривать возможность присвоения или растраты имущества у лица, которое владеет им без законных к тому оснований.

В целом незаконное владение следует рассматривать как ситуацию обладания вещью без надлежащего правового основания. Заметим, что деление владения на законное и незаконное практически присуще для всех современных правовых порядков.

В качестве завершающего постулата приведем мнение, которое нам импонирует и, по нашему мнению, разрешает рассматриваемую дискуссию: «При существовании незаконного владения мы сталкиваемся с некоторой противоречивостью, которая проявляется в случае признания владения правом. Ведь если признать, что владение является правом, то необходимо констатировать, что в случае незаконного владения мы имеем дело с конструкцией незаконного права (владение – право, незаконное владение – незаконное право). Очевидно, что субъективное право не может быть незаконным»⁶.

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 92.

² См.: Ефимов В.В. Догма римского права. Особенная часть. С. 10.

³ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864. С. 293-294.

⁴ Мальбин Д.А. Владельческая защита (посессорная) в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 57-58.

⁵ См.: Иванов С.А. Категория владения в гражданском праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 8; Сеницын С.А. Защита владения и вещных прав в гражданском праве России и Германии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9 и др.

⁶ Мальбин Д.А. Указ. соч. С. 70.

Соответственно, если владение является результатом фактической власти лица над вещью и при этом не имеет надлежащего правового основания, то обоснованно говорить о неправомерных действиях, которые не могут повлечь за собой такие правомерные юридические последствия, как возникновение субъек-

тивного права. В противном случае следовало бы признавать, что неправомерные действия (в нашем случае преступные) могут создать на стороне лица субъективное гражданское право, а на стороне третьих лиц повлечь обязанность по воздержанию от нарушения права владения.

Курсаев А. В.,

DOI 10.51980/2021_2_198

кандидат юридических наук
Договорно-правовой департамент МВД России (г. Москва)

Опыт борьбы с преступлениями в области трудовых правоотношений по Уголовному кодексу Испании 1995 г.

Преступность, несмотря на своеобразие отдельных элементов в разных государствах, отличает наличие сходных тенденций в существовании и развитии. В связи с этим перспективным направлением является выработка условий привлечения к уголовной ответственности, критериев криминализации общественно опасных деяний, мер наказания и иных мер уголовно-правовой защиты с учетом законодательства иных государств. Изучение опыта борьбы с преступлениями в иных странах позволяет исключить возможные ошибки в уголовно-правовом регулировании. В этой связи интересным представляется опыт борьбы с преступлениями против трудовых прав граждан в УК Испании.

Несмотря на то, что при конструировании УК Испании его создатели исходили из необходимости минимизации вмешательства уголовной репрессии в социальные отношения и личную жизнь граждан, испанский законодатель посчитал необходимым ответственность за конкретные преступные посягательства на трудовые права граждан предусмотреть в самостоятельном разделе XV УК Испании «О преступлениях против прав трудящихся». Более того, УК Испании устанавливает уголовную ответственность за широкий круг деяний, посягающих на права граждан.

Так, по ст. 311 УК Испании наказуемым является обман или злоупотре-

бление так называемым положением необходимости, при котором работникам по найму навязываются условия работы или социальной безопасности, которые наносят вред, отменяют или ограничивают их права, признанные законами, коллективными договорами или индивидуальными контрактами. Изменение условий труда в случае передачи предприятия иному собственнику также является наказуемым по данной статье УК. В данной статье закреплена квалификация признака в котором указано на применение насилия или запугивание.

Статья 312 УК Испании обеспечивает свободу труда и содержит сразу несколько составов преступлений. Наказуемыми по ней являются незаконная торговля рабочей силой (ч. 1), наем на работу посредством обманного предложения иной работы или условий труда или принуждение к оставлению места работы, а также незаконное использование труда иностранных граждан (ч. 2).

Для Испании, как и для иных стран Европейского союза, характерна сложная ситуация с контролем над миграционными процессами. Поэтому за нарушение правил в области миграции установлена уголовная ответственность. Так, по ч. 1 ст. 313 УК Испании наступает ответственность за организацию нелегальной иммиграции работников в Испанию. В то же время и незаконная эмиграция испан-